

МОСКВА КАК ОДНА ИЗ КООРДИНАТ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

О.Б. Подвинцев,
Отдел по исследованию
политических институтов
и процессов ПИЦ УрО РАН

По мнению автора, формирование региональной идентичности в современной России требует позиционировать регион по отношению к прошлому и будущему России, ее составным частям, соседним территориям, а также Москве (не только как столице).

Ключевые слова: политика идентичности, региональная идентичность, федеральный центр, привилегированный регион, мировой город.

Речь пойдет, преимущественно, о политике идентичности, проводимой на уровне субъектов РФ. Сразу оговорюсь, что региональная идентичность в современной России не обязательно вступает в противоречие с общероссийской гражданской идентичностью (хотя это тоже может быть). Напротив, региональная идентичность может дополнять и усиливать общероссийскую – единство, опирающееся на многообразие, оказывается более устойчивым, если эти принципы удачно согласованы.

При этом процесс формирования региональной идентичности и ее трансформации проходит в определенной системе координат, требует позиционирования региона к неким базовым представлениям, нахождения его особенности через согласование с ними или, наоборот, противопоставления.

Эти координаты не обязательно уместаются в российские рамки. Например, можно назвать, по крайней мере три слу-

чая, когда субъекты РФ претендуют на то, чтобы считаться центром особой «цивилизации», или особого «мира», выходящего за пределы российских границ. Так, Ямало-Ненецкий автономный округ в соперничестве с Якутией стремится позиционировать себя как оплот Арктической цивилизации. Мордовия, выиграв конкуренцию с Республикой Коми и еще некоторыми субъектами РФ, стремится представить себя одним из основных центров притяжения Финно-угорского мира [6]. Кабардино-Балкария, в большей степени, чем Адыгея и Карачаево-Черкесия, стремится представить себя, как «землю обетованную» для всех адыгов, подавляющее большинство которых ныне проживает за пределами РФ. При этом данные устремления вызывают разную реакцию Кремля: где-то настороженную, где-то прохладно-нейтральную, а в случае с Мордовией – поощрительно-стимулирующую. Думаю, разли-

чия эти легко объяснимы как данных субъектов федерации, так и «миров», на лидерство в которых они претендуют.

Но такие, «внешние», координаты для региональной идентичности на уровне субъектов федерации в России присутствуют далеко не всегда, по крайней мере, в числе значимых. Теми, в отношении которых позиционирование является необходимым во всех случаях, как мне представляется, являются следующие:

- Россия
 - ее история
 - ее современность
- Макрорегионы России
- Соседние регионы
- Москва

Позиционирование по отношению к стране, как таковой, требует, во-первых, определить место региона в российской истории. Причем здесь тоже может возникнуть конфликт с общероссийской идентичностью, но на самом деле, в большинстве случаев такое позиционирование является, вполне лояльным. И это как раз пример, когда региональные идентичности и общероссийская идентичность усиливают друг друга. Тем не менее, для осознания и усвоения своеобразия, уникальности региона надо определить его особую и важную роль в единой российской истории. Где-то такая роль очевидна, наследие может быть даже слишком велико и противоречиво, и задача лишь в том, как его интерпретировать, скомпоновать, расставить акценты (например в случае с Новгородской землей). Где-то стоит задача: такую роль, такое наследие конструировать, изобретать, в частности потому, что данный регион не укоренен исторически как особая единица (например Курганская область).

Сам характер исторического наследия, его типичные события, герои в разных концах страны различаются. Одно дело, регионы вокруг Москвы, где сейчас активно вспоминают бывшие княжества, вошедшие потом в состав единого государства, ставят памятники их правителям и т.д. Другое дело, Дальний Восток, где российская история – это история освое-

ния, создания форпостов, колонизации и т.д. И герои здесь соответствующие [1]. Но и в том, и в другом случае есть возможность лояльно вписать эту «свою» историю в русло общероссийской.

Второе, что касается позиционирования региона по отношению к России – это определение его места в ее современной структуре. Здесь тоже вполне возможны и господствуют в проводимой политике позитивные и лояльные образы, выступающие предметом гордости – «кузница», «житница», «форпост», «опорный край державы» и т.д. Хотя в массовых представлениях возможны и другие – «забытая окраина», «угнетаемая провинция» и т.п.

Далее – позиционирование субъекта федерации, как части того или иного из макрорегионов России (либо, возможно, как некоей переходной полосы между ними). Кстати, сам вопрос о делении современной России на основные ее составляющие не имеет, как известно, однозначного ответа. При этом один и тот же вполне определившийся макрорегион может по-разному восприниматься извне его и изнутри, даже называться по-разному. Не говоря о том, что эти наименования будут еще и не соответствовать реальному положению вещей. Самый характерный пример – это «Центральная Россия». Во-первых, с географической точки зрения, она совсем не «центральная», а занимает западную часть нынешней РФ. Название в данном случае отражает как историческое наследие, так и понимание современной «центричной» роли Москвы, вокруг которой данный макрорегион сформировался, но к которому она, как таковая, не принадлежит. Во-вторых, в самом этом макрорегионе предпочитают употреблять наименование не «Центральная Россия», а «Средняя полоса» [2], тоже не очень внятное с точки зрения географических реалий – средняя полоса между чем и чем? Главное, однако, что наименование «средний» менее амбициозное, чем «центральный» и, с учетом того, что «центр» в данном случае живет явно хуже, чем многие «окраины», его, видимо, и предпочитают.

Можно привести также пример с «Югом России» – понятие, которое все больше употребляется в официальной лексике в различных регионах, особенно в Краснодарском крае и Ростовской области, да и в Ставропольском крае тоже. Для власти и, очевидно, значительной части населения этих регионов не очень удобен старый термин – «Северный Кавказ». Не очень удобно стало быть «Кавказом» вообще. С другой стороны, в национальных республиках, лежащих к югу от этих регионов, понятие «Кавказ» является столь же, а может и более значимым, чем раньше. Этот раскол нашел сейчас свое отражение даже в границах федеральных округов, хотя они и не полностью с ним совпадают. С этой точки зрения, кстати, весьма опасным представляется развитие конфликта на Донбассе, потому, что «Юг России», по сути, иное название для той же самой исторически сложившейся и имеющей свою общность «Новороссии», разделенной сейчас границами РФ и Украины.

Еще один пример – макрорегион «Арктика», который раньше вообще не фигурировал в качестве особой составляющей пространства страны, наряду с «Центральной Россией», «Русским Севером» (или «Северо-западом»), «Сибирью», «Уралом», «Дальним Востоком» и т.д. Сейчас ситуация меняется и названия: «Сибирь», «Дальний Восток» и «Арктика». При этом к «арктическим» относят и часть регионов европейского севера страны. Сейчас сложно говорить, является ли этот процесс конструирования нового макрорегиона в составе России искусственным, или здесь действительно есть серьезная подоплека. Есть аргументы в пользу того и другого. Но, тем не менее, можно констатировать, что «Российская Арктика» как отдельный макрорегион именно в ментальном смысле, с точки зрения идентичности сейчас находится в стадии формирования.

Позиционировать себя по отношению к макрорегионам тоже иногда для некоторых субъектов федерации оказывается сложным с точки зрения проведения региональной политики идентичности. Есть

регионы, и их немало, которые объективно трудно отнести к той или иной совокупности. Например, уже упоминавшаяся Курганская область, регион, который «зависает» между Уралом и Сибирью. В Кургане на одном и том же здании могут быть две вывески – «Уральские самоцветы» и «Сибирские пельмени», именно в качестве местных брендов. Причем даже речь не идет о том, что регион – это граница между Уралом и Сибирью или сочетание их. Это именно непонятно что – «зависание»: вроде бы Урал, но и не Урал, вроде бы Сибирь, но и не Сибирь, и самим-то особенно гордиться нечем. Схожий случай с Кировской областью. Она в равной степени может быть отнесена или не отнесена к Центральной России, к Уралу и даже к Поволжью или Северо-Западу. Но здесь, правда, в отличие от Курганской области, значительно больше выражено осознание собственной «особости», своеобразия по отношению ко всей остальной России. Это, например, вполне очевидно, учитывается в своих действиях «варяг», занимающий пост губернатора в данном регионе. Перечень таких субъектов РФ можно продолжить. Проблема дополняется тем, что, как уже отмечалось, само деление России на «основные части» не есть в настоящее время что-то бесспорное и застывшее.

Так или иначе, формирование региональной идентичности требует ответа на вопрос: частью какого региона мы являемся или не являемся и что хорошего или что плохого проистекает из этого?

Следующая координата – соседи. О соперничестве между соседними регионами в современной России сказано и написано много. Очень хорошо это прослеживается в отношении крупных городов, являющихся центрами близко расположенных регионов в разных концах страны, – Хабаровск и Владивосток, Новосибирск и Красноярск, Ростов-на-Дону и Краснодар, Пермь и Екатеринбург и т.д. Соперничество между Нижним Новгородом и Казанью вообще вылилось в борьбу за бренд «третьей столицы России» и связано уже с какими-то одинаковыми и, соответствен-

но, сталкивающимися претензиями на позиционирование себя в рамках современной структуры России [4, с. 290].

Но позиционирование себя по отношению к «соседу» - это не только соперничество по поводу того, у кого главный город региона более сильный или играет более значимую роль, в том числе в общероссийских масштабах. Здесь в целом может быть значительный конфликтный потенциал. Например, ситуация, когда граничащие друг с другом регионы разительно отличаются с точки зрения социально-экономического развития, уровня и качества жизни. В результате в некоторых районах формируются ирредентистские настроения и начинается некая активность по этому поводу. Можно привести актуальный пример с той же Курганской областью, где в некоторых населенных пунктах на границе с Тюменским регионом подобные настроения сейчас находят выражение в попытках подачи обращений в федеральные органы власти и организации референдума по поводу присоединения к соседнему субъекту федерации, где «жизнь лучше». Особенно остро вопрос об отношениях с «соседом» может стать, если на него накладывается этнический фактор. Политика идентичности может как сглаживать, нейтрализовывать конфликты, так и разжигать их. Так или иначе, для того чтобы определиться на региональном уровне, кто «мы», в чем наша особенность и в чем наше преимущество и наши недостатки, в качестве значимого «другого» часто выступает именно сосед.

И, наконец, Москва как координата рассматриваемого процесса. Именно Москва, а не столица в принципе, не столица как таковая. Конфликт между столицей и провинцией существует почти в любой стране и зачастую отношения, складывающиеся между столицей и всей остальной частью страны, не очень дружелюбные и

не очень благосклонные. Но в России эти отношения приобрели особое значение, обусловленное не только историческими, но и социально-экономическими факторами. Причем основной сдвиг в этом произошел уже после распада Советского Союза. Чтобы проиллюстрировать это, можно привести некоторые сравнения.

В частности, интересным представляется проанализировать динамику изменения общего числа жителей и жителей столиц бывших союзных республик после распада СССР. Из рассмотрения при этом следует исключить Казахстан, где столица была перенесена. Сравнительные данные по остальным 14 новым независимым государствам за первые двадцать лет, прошедшие после распада единого государства приведены в табл. 1.¹

Таким образом, из 14 новых независимых государств по сравнению с рубежом 1980–90-х годов за 20 лет население сократилось в странах Балтии, России, Украине, Белоруссии, Молдавии, Грузии и Армении, а в остальных выросло. При этом в Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии, Грузии и Армении численность населения столиц тоже сократилась либо осталась (вновь оказалась) на прежнем уровне. Во всех странах, где происходит рост населения в целом, наблюдается и увеличение числа жителей столиц. В некоторых случаях (Туркменистан, Кыргызстан) данный процесс происходит опережающими темпами. В других (Узбекистан), напротив, замедленными. И только в Москве, Минске и Киеве количество столичных жителей выросло на фоне снижения численности населения соответствующих стран в целом. Причем особенно большой рост столицы, создающий резкий контраст со страной в целом, наблюдается именно в российском случае – разница в 35 пунктов, при 21 для Белоруссии и 19 – для Украины. Речь идет не просто о разноплановом движении, а о

¹ При проведении подсчетов и составлении данной таблицы автор столкнулся с достаточно существенным различием данных по современной численности населения некоторых столиц, приводимых в разных источниках. Поэтому вполне вероятно, что абсолютные значения ряда конкретных приводимых показателей могут быть оспорены. Однако упомянутые различия все же не таковы, чтобы изменить общую картину и оценку выявленных тенденций и диспропорций.

Таблица 1

Страна	Изменение численности населения страны в 1992–2011 гг.	Изменение численности населения столицы 1992–2011 гг.
Эстония	- 15,4 %	- 15,7 %
Латвия	-16,8 %	- 22,0 %
Литва	- 11,4 %	- 5,3 %
Белоруссия	-7,7 %	+13,5 %
Россия	-3,5 %	+31,3 %
Украина	- 11,7 %	+7,0 %
Молдавия	- 18,3 % (с учетом потери контроля над территорией Приднестровья)	-2,0 %
Грузия	- 19,6 % (с учетом потери контроля над территориями Абхазии и Южной Осетии)	-8,5 %
Армения	- 1,0 %	- 6,6 %
Азербайджан	+27,7 % (с учетом потери контроля над рядом территорий)	+14,0 %
Туркменистан	+34,9 %	+ 50,0 % (по некоторым данным 100 %)
Узбекистан	+38,3 %	+5,4 %
Кыргызстан	+25,5 %	+38,5 %

том, что произошел резкий рост населения столицы при падении численности населения страны в целом. На случаи, когда на фоне роста населения страны, сокращалось бы население столицы, тоже стоило бы обратить внимание, но таковых нет, наблюдаются лишь иногда разительные различия в темпах роста.

Поскольку Россия является одной из самых населенных стран и самым большим по территории государством мира, уместным представляется сравнить ее с другими лидирующими по данным показателям странами с точки зрения доли населения столицы в общем числе жителей.

Величина доли жителей столицы для десятки первых по населению государств мира рассчитана и приведена в табл. 2.

Таким образом, среди наиболее населенных стран мира Россия по рассматриваемому показателю уступает лишь Японии. При этом территория Японии многократно меньше российской, а японцы, как нация, несомненно, значительно более гомогенны, по сравнению с россиянами. То же, даже в большей мере свойственно, Бангладеш, чей показатель относительно близок российскому. Характерно, что в четырех странах из приводимой десятки столица изначально строилась как новый город, приспособленный специально для

данных функций. Наконец, важно отметить, что в шести государствах, входящих в данный список, столичный центр не является самым большим по числу жителей городом в стране.

Данные по тому же показателю, но для десяти наиболее обширных по территории стран мира, приведены в табл. 3.

Алжир, в данном случае, вполне можно считать исключением, поскольку 80 % территории страны составляет пустыня Сахара. Из оставшегося списка только Аргентина имеет близкий к России показатель. При этом из девяти стран только в России и Аргентине столица одновременно является и крупнейшим городом. Не лишне напомнить, что руководством Аргентины еще в 1987 году был принят план переноса столицы в город Вьедма. Однако по политическим причинам он остался нереализованным.

Можно утверждать, что ни в одной стране мира нет такой проблемы, таких различий между столицей и всей остальной страной, как в России [5]. Речь идет не только об экономических показателях, о различиях в уровне жизни. Речь идет и о различиях в менталитете, самоощущении, видении будущего и т.д. Таким образом, позиционирование того или иного российского региона по отношению к Москве –

Таблица 2

Страна	Доля населения столицы в общей численности
Китай	1,48 %
Индия	1,00 %
США	0,19 %
Индонезия	3,9 %
Бразилия	1,21 %
Пакистан	0,43 %
Бангладеш	6,14 %
Нигерия	0,50 %
Россия	8,08 %
Япония	10,32 %

Таблица 3

Страна	Доля населения столицы в общей численности
Россия	8,08 %
Канада	2,60 %
Китай	1,48 %
США	0,19 %
Бразилия	1,21 %
Австралия	1,50 %
Индия	1,00 %
Аргентина	7,70 %
Казахстан	4,22 %
Алжир	9,30 %

это не просто позиционирование по отношению к столице. И здесь тоже возможны различные варианты. Например, можно определить, что регион должен следовать за Москвой, тянуться за ней, а можно, наоборот, противопоставлять его Москве, «защищать» его от Москвы и т.д.

Много говорится о том, насколько распространены антимосковские и промосковские настроения в регионах, о том, как воспринимаются Москва и москвичи. На самом деле все сложнее. И отношение к Москве является более сложным. У современной Москвы в современной России три ипостаси: федеральный центр (столица), успешный (привилегированный) регион и мировой город [3, с. 185]. Они могут быть связаны между собой, одно может тянуть за собой другое, отношение к одной ипостаси может дополнять отношение к другой. Но все-таки они будут восприниматься и часто воспринимаются по отдельности. И когда говорят, что «у нас не любят Москву» или, наоборот, «любят Москву», т.е. когда в рамках того или иного региона формируется отношение к Москве, очень важно, о какой именно ее ипостаси все-таки идет речь. Идет ли речь о Москве как о федеральном центре, откуда исходит управление регионами, где определяется политика в отношении них? Идет ли речь о Москве как о самом крупном по населению субъекте федерации с очень высоким уровнем жизни, с другим качеством жизни по отношению к остальной стране? Идет ли речь о мировом городе, который соединяет в себе многие транзитные функции, является очень подвижным, бурно разви-

вающимся и прочно вписан в мировую систему связей и взаимодействий?

На самом деле, восприятие в каждой из этих ипостасей может служить основой как для позитивного, так и для негативного отношения к Москве. «Федеральный центр» может восприниматься как объединитель страны, заботящийся о регионах, а может – как их притеснитель. Восприятие Москвы преимущественно как «столицы России» в рамках регионального сознания вполне согласуется с общероссийской идентичностью и может определять соответствующую линию дальнейшего позиционирования. Такое восприятие, конечно, распространено, однако по целому ряду косвенных свидетельств можно судить о том, что в современной России фактически не наблюдается того трепетного отношения к столице страны, которое все же было свойственно значительной части населения в советский период. Вряд ли многие россияне в современных условиях способны были бы без иронии воспринимать в чрезвычайной ситуации знаменитый призыв: «Велика Россия, но отступать некуда. Позади Москва!». Не в пользу современной Москвы сравнение песен и фильмов о столице, созданных в советские времена и за годы после распада СССР. Москва, как центр Советского Союза, советской империи, символ новой страны, ее успехов, ее достижений, действительно, часто рождала трепетное отношение к себе. Сейчас этого нет. Думаю, не многие также согласятся с образом Москвы как «сердца России».

Вторая ипостась – успешный, привилегированный регион. Позитивное отношение в данном случае связано с восприятием Москвы как примера для подражания. В прошлом этот образ в основном персонифицировался в фигуре бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова. В 1990-е годы, да и позже, руководители очень многих российских регионов и городов стремились, чтобы их воспринимали «похожими на Лужкова» или в качестве его друзей. Особенно это было заметно в ходе избирательных кампаний. Конечно, сейчас ситуация изменилась и Сергей Собянин в настоящее время такой роли ни в какой степени не играет.

Негативный образ Москвы в данной ипостаси можно описать как «сборище зажавшихся и заносчивых эгоистов». Данную формулировку в чистом виде нигде нельзя найти, но она сконструирована нами из наиболее распространенных, в частности в Интернете, негативных характеристик жителей Москвы.

Интересно, что восприятие Москвы как «центра притяжения» людей из регионов тоже может быть различным. Это может быть предметом региональной гордости – когда с удовлетворением констатируется, сколько выходцев из региона обосновались в Москве на высоких должностях или просто добились успеха или когда говорится о количестве местных выпускников, продолживших учебу в Москве, нашедших там работу. Но есть примеры агитационных действий со стороны региональных властей, направленных на то, чтобы остановить утечку кадров в Москву. Самый известный из них, вероятно, музыкальный клип на эту

тему, в котором снялся губернатор Кировской области Никита Белых.

И третья ипостась. Позитивный образ в данном случае – конечно же, «окно в большой мир», с которым связывается возможность мобильности, выхода на уровень мировых стандартов, что бы под этим не подразумевалось, и т.д. Негативный: «Москва – это не Россия». Конечно, последний тезис ни в одной стратегии регионального позиционирования в чистом виде тоже не присутствует. Тем не менее, настроения, им выражаемые, действительно в регионах слишком сильны, и даже федеральная власть не только не игнорирует их, но даже использует в ряде случаев для политической мобилизации. Последний такой пример – стимулирование антимосковских настроений в регионах во время протестных настроений зимы-весны 2011–2012 годов, центром которых стала именно столица страны. Причем в данном случае соединялись негативные коннотации как третьей, так и второй из рассмотренных ипостасей. Точно так же различные ипостаси могут смешиваться и оппозицией, например в лозунге «Хватит кормить Москву!».

Тем не менее, с научной точки зрения, методологически важно при анализе «антимосковских» или «промосковских» настроений в регионах, при проведении социологических опросов по поводу того отталкивает Москва или привлекает, важно все-таки четко представлять, что в каждом случае понимается под «Москвой». Это касается и образа «Москвы», присутствующего в политике идентичности, проводимой в прошлом и настоящем на уровне российских регионов.

Библиографический список

1. *Бедерсон В.Д.* Герои-«первооткрыватели» в региональной идентичности регионов Дальнего Востока: сб. материалов по итогам V Всероссийской Ассамблеи молодых политологов. – Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2013. – С. 110–114.
2. *Гриценко А.А.* Региональная идентичность: ситуация в российско-украинском пограничье. – Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – с. 169.
3. *Назукина М.В., Подвицнев О.Б.* Идеологические и политико-психологические основы москворочества в российских регионах//Политический альманах Прикамья / под ред. Л.А. Фадеевой. – Пермь, 2006. – Вып. 6. – С. 184–196.
4. *Назукина М.В., Подвицнев О.Б.* Столичные амбиции как отражение регионализации современной России // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Вып. 9. – Екатеринбург, – 2009. – С. 290–302.

5. *Подвинцев О.Б.* Вопрос о переносе столицы в современной России: Факторы внесения в политическую повестку дня и вытеснения из нее/ Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 ноября 2013 г. – М., 2013. – С. 114–119.
6. *Подвинцев О.Б.* Салехард и Саранск как «центры цивилизаций» // Город как стиль: Статьи и материалы Всерос. науч.-практ. конф. «ПЕРМЬ КАК СТИЛЬ: формирование современной городской идентичности в России». – Пермь, 2013. – С. 208–210.

**MOSCOW AS ONE OF THE COORDINATES IN THE FORMATION
OF REGIONAL IDENTITY IN RUSSIA**

O.B. Podvintzev

According to the author, the formation of regional identity in modern Russia requires to position the region in relation to the past and future of Russia, its main parts, the neighboring subjects of the Federation, as well as Moscow (not only as the capital).

Keywords: the politics of identity, regional identity, Federal center, the preferred region, the global city.

Сведения об авторе

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13а; e-mail: ipl_perm@mail.ru

Материал поступил в редакцию 25.09.2014 г.